

ГЛАВА 1

— Ну, так с чего начать: с хорошей новости или плохой?

Синие глаза Никки Грант искрились лукавством, когда она смотрела на родителей. За ее улыбкой скрывалось беспокойство, которое свойственно актерам, ожидающим за кулисами и готовым эффектно выйти на сцену, как только прозвучит нужная реплика. В гостиной воцарилась тишина, что не могло не нервировать; однако Никки изо всех сил поддерживала в себе огонек веселья, пытаясь придать ситуации сходство с ожиданием большого сюрприза.

Ни отец, ни мать по-прежнему не отвечали.

В солидном георгианском доме в Бате они жили последние пять лет. До этого, все годы учебы Никки, семья Грант проживала в Лондоне: сначала — в красивом особняке фешенебельного района Бельгравия; затем, когда Никки исполнилось восемь, — в роскошной итальянской вилле на правой стороне Холланд-парка. Насколько Никки знала, причин их переезда в Бат было две: во-первых, ее мать обожала этот город, а во-вторых — он находился недалеко от Лондона, и отец мог несколько раз в неделю ездить в столицу — этого было достаточно, поскольку его компания, а значит, и его доход находились на должном уровне. И вот в шестнадцать лет Никки попрощалась с друзьями в Лондоне и, преисполненная энтузиазма по поводу новых впечатлений, с головой окунулась в жизнь подготовительного колледжа в Бате. Примерно в это время и возникли проблемы в ее отношениях с родителями.

Сейчас родители, представляя собой величественный дуэт, сидели рядом на одном из изящных кремовых диванов, которые так отлично сочетались с тщательно подобранной старинной мебелью и портьерами в комнате. Никки примостилась на

краешке твердого кресла с подголовником в стиле королевы Анны, с тщательно вышитым гербом и восхитительными витыми ножками. Странно, но в последнее время, когда она приезжала навестить родителей, они приглашали ее к чаю, словно она была викарием или стареющей тетушкой.

Вообще-то, в данный момент она бы с радостью поменялась местами с упомянутыми особами. Еще лучше, если бы рядом была ее бабушка, она непременно поддержала бы ее морально; но бабушка Мэй умерла в прошлом году, и Никки все еще сердилась и грустила оттого, что родители не позволяли ей проводить много времени с бабулей. Конечно, до Шотландии далеко, но даже во время редких визитов туда Никки почти никогда не оставляли наедине с бабушкой, которая, несмотря на свой почтенный возраст и прикованность к инвалидному креслу, всегда была веселой, беззаботной и ни в коей мере не запуганной своим деспотичным сыном.

«Вот почему тебе нельзя доверять», — сообщал Джереми Грант своей матери всякий раз, когда она поощряла внучку на поступки, которых он не одобрял: например, Никки перемигивалась с мальчиками, красила ногти, делала стойку на руках в саду, так что каждый прохожий мог полюбоваться предметом ее стирки на следующей неделе. Вряд ли подобные проделки можно считать смертными грехами; а если учесть, что на пальчиках Никки красовался бледно-розовый лак, которым пользовалась ее собственная мать, да и отец пару раз хвалил ее за то, что ей так долго удавалось стоять на руках (на заднем дворе), — то его постоянные попреки в адрес бабули Мэй она восприняла как ужасную несправедливость.

«Ох, да ты не волнуйся обо мне, девочка, — говаривала бабуля Мэй. — Я его не боюсь, и ты тоже не должна его бояться». — «Я и не боюсь, — горячо уверяла ее Никки. — Хотя иногда он бывает очень властным». — «Точно так же, как его отец; но главное, не забывай: ты для него дороже всего на свете, и он готов сделать все ради твоего счастья».

Хотя Никки никогда не сомневалась в любви отца, за последние несколько лет она осознала, каким решительным

и упрямым он может быть. Стоило ему вбить себе что-то в голову, и он не желал даже слышать о том, чего хочется ей, особенно в отношении выбора профессии. Впрочем, она ничем от него не отличалась. Несмотря на жизнерадостный и миролюбивый характер, она могла ничуть не менее бурно выражать протест и оказывалась даже еще более упрямой, когда решался вопрос, как ей жить дальше.

Теперь, пытаясь скрыть волнение, Никки натянуто улыбалась. Она пыталась подобрать слова, хотя, по справедливости, сейчас была очередь ее родителей, ведь это она задала им вопрос. Они же, судя по всему, отвечать не собирались, а ее отец, похоже, вообще проверял электронную почту на своем айфоне. Очевидно, какие бы новости там ни содержались, это было куда важнее того, что собиралась сказать его дочь. Никки понимала — он ведет себя так, чтобы выбить ее из колеи. Это была одна из уловок, которые он использовал в бизнесе, и наверняка с большим успехом.

В ее голове пронеслись воспоминания о том, как близки они были раньше. Отец всегда качал ее на руках и, поддразнивая, утверждал, что она прищуривает глаза, как заправская кокетка. Он расцеловывал ее в щеки и светился от гордости за все ее, пусть и небольшие, успехи. Он был любящим и внимательным, всегда готовым помочь сделать домашнее задание или взять с собой на интересную выставку. И ей становилось очень грустно оттого, что теперь ничего этого не было. Кое в чем он даже казался ей совершенно другим человеком. С тех пор как его мечты о вовлечении ее в серьезный бизнес потерпели крах, она иногда задавалась вопросом: а не вполз ли однажды ночью в его тело инопланетянин и не завладел ли его разумом? Неожиданно амбиции отца насчет ее будущего оказались единственным, что имело для него значение. Он тщательно разработал план, который должен был вознести ее к вершинам выбранной *им* профессии. Если она пойдет в нужный университет, изучит нужные предметы и заведет нужных друзей, ничто не помешает ей стать столь же успешным финансистом, каким был он, и, следовательно, такой же богатой.

Единственная проблема заключалась в том, что этот его великий проект совершенно не входил в планы Никки. Ей не было никакого дела до крупных финансовых операций, инвестиций, брокерских вознаграждений и страховых фондов. Все, чего она хотела, — это писать. Ее родители были ошеломлены, когда она объявила о своем решении прослушать курс «Писательское мастерство» в университете Фалмута. У отца был такой вид, словно с ним вот-вот случится сердечный приступ. Разумеется, он собирался отдать дочь в свою *alma mater*, Кембридж, или, если она не потянет, в университет в Эдинбурге. Он бы даже согласился на Бат, поскольку именно здесь ее мать слушала курс английского языка, прежде чем начать изучать право в Лондонской школе экономики. Однако Никки категорически возражала против Бата, поскольку тогда ее родители почти наверняка захотели бы, чтобы она жила с ними. Никки же к тому моменту, как ей исполнилось восемнадцать, так сильно хотела покинуть родительское гнездо, что готова была улететь, как на крыльях.

Сейчас ей уже двадцать один, и пять месяцев назад она получила высшее образование и диплом с отличием, проведя три своих самых счастливых года жизни в университете, который выбрала сама. Ей даже удалось получить приз — вообще-то, честно говоря, это был приз независимого телевидения за лучший короткометражный фильм, но так как она написала к нему сценарий, то, по крайней мере, часть славы законно принадлежала ей. Во всяком случае Спенсер, продюсер и режиссер, принимая приз, подчеркнул, что без нее фильма бы не было. Жаль, что родители не пришли на церемонию, но они должны были присутствовать на каком-то важном благотворительном вечере в Лондоне и при всем желании не могли перенестись из Бата в Бристоль. Впрочем, она не сильно расстроилась, поскольку они чувствовали бы себя чужаками в третьесортном кинотеатре, в толпе невымытых представителей богемы, вынужденные смотреть шокирующие, претенциозные мультфильмы или сомнительные, непристойные, частично документальные, частично художественные фильмы на фестивале, о котором

они и не слышали, пока их со Спенсером фильм не номинировали на награду.

— Дорогая, мы ждем, — укоризненно произнесла мать.

Никки так и подмывало напомнить маме, что та еще не выбрала, какие новости ей хотелось бы послушать вначале. Но тут она подумала, что это будет слишком лицемерно, поскольку, скорее всего, родителям не понравится ни одна из новостей, которые она собиралась им сообщить. Вообще-то, она уже пожалела, что не начала разговор как-то иначе: в стальном взгляде голубых глаз матери, слишком пристальном и подозрительном, явственно читались ее мысли о том, что Никки снова их подвела.

Никки откашлялась и собралась с духом. Хотя ее маленькие, красиво очерченные, но все же причудливой формы губы продолжали улыбаться, а глаза по-прежнему сияли, нервы были напряжены. Она легонько взбила густые темные волосы, свободно свисавшие до плеч — не так, как она привыкла носить обычно. Ее отец не одобрял неопрятный «конский хвост»: по его мнению, такая прическа намекает на то, что ее обладательница не мыла волосы или не расчесывалась больше недели. Когда Никки бывала дома (правда, в последнее время это случалось все реже и реже), отец требовал уважения к установленным им правилам и хотел, чтобы дочь выглядела так, словно он собирался представить ее королеве. Ну, может, это и преувеличение, но его одежда иногда бывала такой отутюженной, что казалось, стоит ему сделать непродуманный жест — и она разойдется по швам. Незнакомые с ним люди вполне могли решить, что он «чертов герцог» (так высокомерно он себя вел), а вовсе не умник, управлявший огромными инвестиционными фондами и сколачивавший небольшие капиталы для уже и так неприлично богатых особ. Как-то раз она озвучила ему свои мысли и тут же выслушала в ответ одну из его знаменитых ханжеских лекций о манерах, языке, уважении и неслыханной удаче, благодаря которой она росла в любви и стабильности, с родителями, которые дали ей первоклассное образование и почти все, что можно было купить за деньги (ну, допустим,

не все, потому что у отца был пунктик по поводу того, как бы не разбаловать дочь, — хотя, конечно, он ее разбаловал), а также с ощущением безопасности оттого, что знала: когда настанет время, все нужные двери распахнутся, открывая ей путь к великолепной карьере.

Опять этот старый камень преткновения. Интересно, он действительно никогда не простит ей нежелания покориться его воле? Сколько горькой обиды может скрываться в душе одного человека? Неужели вся эта обида только из-за нее, или случилось что-то еще, что превратило его в холодного и отстраненного человека, настолько непохожего на того папу, которого она помнит с детских лет? Если бы она могла пробиться к тому человеку, который поправлял ей одеяло и читал на ночь сказки, построил для нее домик на дереве в саду и всегда был рад ее друзьям, кем бы ни они были, — то ее новости, несомненно, не произвели бы эффекта разорвавшейся бомбы.

— Ладно, — заявила она, сжимая ладони. — Я приехала, чтобы сказать... — Она скользнула по ним взглядом. Они не были расположены к общению, а просто сидели и смотрели на нее, словно директор школы или полицейские. Она с легкостью представила, как отец арестовывает ее, если ему не понравится то, что она скажет: «Руки за спину... Лицом к стене... Вопросы здесь задаю я...» — это было весьма в его стиле. Или как мать запирает ее в карцер на несколько недель, а затем выставляет вон, заставив держать руки на затылке. Тем не менее она не боялась их, никогда не боялась, хотя иногда ей казалось, что именно этого им и хотелось. Она уже выросла. У нее своя жизнь, и она больше не обязана отчитываться перед ними, нравится им это или нет. На самом деле, своим визитом она оказывает им любезность, ведь она вполне могла бы сообщить им эту новость по телефону или даже по электронной почте.

Она уже начала жалеть, что не поступила именно так.

Сделав глубокий вдох и еще сильнее сжав руки, она внезапно выпалила:

— Я жду ребенка.